

Е.Ф. Фурсова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: mf11@mail.ru

Проблемы этнокультурной идентичности украинского населения Западной Сибири (в начале XX и начале XXI века)

Причина, привлекающая внимание к проблеме этнокультурной идентичности украинских переселенцев в Сибири начала XX в. и начала XXI в., кроется в остроте их собственных переживаний по поводу самотождественности, обсуждаемой сегодня среди российских ученых. Исследование этнокультурной идентичности тесным образом связано с решением проблемы критериев формирования этнического самосознания. В последние годы в трудах антропологов и философов предлагается различать идентичность как внутреннее чувство (осознание себя, Self) в сравнении с внешней информацией о себе, т.е. со стороны. На материалах украинских переселенцев Сибири поставлена задача проанализировать специфику процессов этнокультурной идентификации двух групп переселенцев – столыпинских и современных выходцев с территории Казахстана. Привлекая полевые экспедиционные материалы, автор приходит к выводу о формировании плавающей или ситуативной идентичности столыпинских переселенцев Западной Сибири, которая включает также промежуточные русско-украинские варианты («хахлы»). Особенно ярко эта ситуация прослеживается при их сравнении с южнорусскими переселенцами, которых украинцы отделяли как иную культурную общность («кацапы»). Однако те и другие в представлении сибирских старожилов составляли единую группу с коллективным прозвищем «хахлы». Описанная ситуация объясняет нестыковки в переписях населения Советского Союза 1959, 1970, 1979 и 1989 гг., обусловленных именно существованием ситуативной или плавающей идентичности украинских жителей, а не медлительными процессами ассимиляции или «русификации». Казахстанские переселенцы, прибывавшие на сибирские земли последние тридцать лет, демонстрируют выраженную украинскую идентичность, обусловленную спецификой проживания в инокультурном и иноконфессиональном окружении прежнего местожительства.

Ключевые слова: этнокультурная идентичность, украинские переселенцы, хахлы, Западная Сибирь, Казахстан.

Elena F. Fursova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: mf11@mail.ru

Problems of Ethnic and Cultural Identity of the Ukrainian Population of Western Siberia (Early 20th and Early 21st Centuries)

The reason that for the interest to the problem of ethnic and cultural identity of Ukrainian migrants to Siberia in the early 20th and 21st centuries is their acute perception of self-identity – the topic currently discussed by Russian scholars. The study of ethnic and cultural identity is closely related to the problem of criteria for ethnic self-awareness. In recent years, anthropologists and philosophers have proposed to distinguish between self-identity as internal feeling of self-awareness, as opposed to external information about oneself. Evidence on Ukrainian migrants to Siberia is used for analyzing the processes related to ethnic and cultural identification in two groups – migrants who arrived during the Stolypin's reforms and contemporary immigrants from Kazakhstan. Using field evidence, the author comes to conclusion about the floating or situational identity of the Stolypin's migrants to Western Siberia, which also included some intermediate Russian-Ukrainian variants ("khakhly"). This situation becomes especially pronounced when they are compared with the Southern Russian migrants, whom the Ukrainians distinguished as different cultural community ("katsapy"). However, in the eyes of the Siberian old-timers, both of these groups constituted a single group with the collective nickname of "khakhly." This situation explains inconsistencies in the Soviet Censuses in 1959, 1970, 1979, and 1989, caused by the situational or floating identity of Ukrainian residents, and not by slow processes of assimilation or "Russification." The immigrants from Kazakhstan, who have been arriving to Siberia for the past thirty years, demonstrate a pronounced Ukrainian identity, which is caused by living in another cultural and religious environment in their former places of residence.

Keywords: ethnic and cultural identity, Ukrainian migrants, "khakhly," Western Siberia, Kazakhstan.

Полевые этнографические работы 2019 г. и более ранних экспедиций (материалы Летней полевой антропологической школы 2019 г. Новосибирского государственного университета и ИАЭТ СО РАН; ПМА 1980–2000-х гг.) позволили собрать фактический материал и составить представление об этнокультурном составе восточнославянских переселенцев Сибири, в их числе выходцев с территории современной Украины. Вопрос самосознания – основного критерия, который может быть положен в основу этнической идентификации, – рассмотрен автором на основе многочисленных данных интервьюирования информантов 1890–1930-х гг. Как показал первичный просмотр материалов, решение вопросов самосознания / этнокультурной идентичности напрямую зависит от времени переселения выходцев из украинских земель в Сибирь. Прежде всего, различия наблюдаются между столыпинскими переселенцами из европейской части России (1906–1917 гг.) и переселенцами 1990–2000-х гг., т.е. времени разрушения Советского Союза, с территории Казахстана и Средней Азии. В свет вышло немало количество работ, посвященных истории переселения уроженцев украинских земель в Сибирь и их демографическим характеристикам, особенностям обрядовой сферы культуры, песенно-танцевального творчества [Переселение..., 1906; Фурсова, Васеха, 2004; Голубкова, 2018; и пр.]. Научные труды по проблеме этнокультурной идентичности россиян с украинскими корнями стали появляться относительно недавно и открыли много важного, ранее не замечаемого, в этом направлении [Листова, 2016; Фурсова, 2015].

Сегодня потомки украинских переселенцев периода столыпинских реформ представляют собой третье-четвертое поколения родившихся в Сибири. С потомками первого-второго поколений переселенцев нам удалось общаться в условиях полевых экспедиций 1980–1990-х гг. [Фурсова, Васеха, 2004]. Особую группу составляют переселенцы, выехавшие на волне последних политических событий из стран Средней Азии и Казахстана (ПМА 2019) [Шустов, 2018]. Проанализируем специфику процессов этнокультурной идентификации этих двух групп сибирских переселенцев.

Этнокультурная идентичность потомков украинских переселенцев периода реформ П.А. Столыпина (1906–1917 гг.)

Колорит украинской культуры бросается в глаза в поселениях степных районов Алтайского края и Новосибирской обл. (Кулундинская степь, Приобское плато), где местные жители могут уверенно указать на села, за которыми идет слава «укра-

инских», или «хахляцких». И сегодня здесь можно услышать специфическую речь местных жителей – в основе русскую, но с включением ряда украинизмов. Жители вспоминают не только историю своего появления и места исхода в Европейской России, но и названия конкретных сел и деревень, где родились их предки (рис. 1, 2). В р.п. Кулунда Алтайского края Нина Степановна Медуница всю жизнь прожила среди переселенцев с Украины, она сохранила память о местах выхода дедов, может обстоятельно рассказать историю своей деревни. *«Родилась я в деревне Белоцерковке, здесь жили все мои бабушки и дедушки. Баба Дуня родилась в Киевской губернии недалеко от города Белоцерковка, их много там было. Работали они в батраках, а когда началось движение это, столыпинское, обещали землю, то они загрузились всей своей династией и поехали. Сюда приехала в 1905 году. Их много оттуда ехали и им здесь нарезали отруба, землю. И она приехала не первая. Когда приехали первые, деревня называлась первая, потом вторая. И когда она приехала, эта новая деревня называлась уже 101-я, а потом были сто второе, сто третье, сто шестое – по отрубам. А потом уже, когда Советская власть пришла, то стали названия давать, чтобы не были деревни безымянными. Вот в Семёновке приехал первый переселенец дед Семён – она стала Семёновкой. В Белоцерковку приехали много людей, проживавших около города Белоцерковки и они попросили, чтобы называли деревню Белоцерковкой»* (ПМА 2019, Н.С. Медуница, 1940 г.р.).

Первоначально в ходе нашей беседы у Нины Степановны не возникало сомнений относительно своей принадлежности к украинцам, хотя она уже сибирячка в третьем поколении. *«Я родилась в 1940 году и все помню очень хорошо, – рассказывала Н.С. Медуница. – Мы пишемся украинцами, я сама родилась в Сибири, в Белоцерковке и родители мои родились уже в Белоцерковке. На Украине родилась только бабушка в 1882 году, а сами родители родились уже здесь. Мама с 1917 года, брат мамин старший с 1913 года, еще один брат с 1915 года»* (ПМА 2019, Н.С. Медуница).

Однако когда речь зашла об особенностях речи в кругу семьи собеседницы или ее бабушки («бабы Дуни»), то в изложении неожиданно произошла смена идентичности, утверждаемой ранее. *«Дома баба Дуня говорила на хахлацком. Мы не украинцы и были не русские, мы – хахлы, мы немножко перевертыши. Вот, например, даже в школу я ходила, училась в 9–10 классе... В школе я говорила на русском, а приходила домой, только переступала порог, говорила: «Мама, шо куда мы челе, а баба Дуня не приходывала? – Не приходывала». Когда со мной были девчата, они слушали вот с та-акими глаза-*

Рис. 1. Столыпинские переселенцы из Херсонской губ. Фото М.А. Круковского. Архив автора.

Рис. 2. Переселенцы из Харьковской губ. Фото М.А. Круковского. Архив автора.

ми. Я и сейчас хахлацкий язык хорошо разбираю, а вот украинский – не знаю...» (ПМА 2019, Н.С. Медуница). Процесс новой идентификации «хахлы» в ее рассказе оказался тесно увязан с произношением мягкого «г» («х»).

Плавающая или ситуативная идентичность украинцев особенно ярко прослеживается при их сравнении с южнорусскими переселенцами, которых Нина Степановна отделяла как иную общность. «С теми переселенцами, которые выходцы

из Курской губернии, мы также общались. Но они все больше по-русски говорили. А вот в Белоцерковке, в Воздвиженке они еще до сих пор чешут похалявки... и в Семёновке особенно – там вообще хахлы, там до сих пор гэкают, и я гэкаю, и девчата мои гэкают. А вот мы были вчера в Курске, там жители не гэкают, но они считают себя русскими» (ПМА 2019, Н.С. Медуница). Коллективным прозвищем «кацапы» выходцы из Киевщины называли своих соседей – курских, воронежских и прочих южнорусских переселенцев, произносивших твердое «г». Характерно, в разговоре с информантами может проскочить также утверждение типа «наш русский Иван» в противоположность «кацапам» из южнорусских губерний. «Ну, переселялись ведь не только из Киевской губернии, там-то русские. А если взять Курск, Воронеж, там же вообще кацапы, они и тут разговаривают на кацапском. А кацапы, у них: кричит, плачит, ривит. Вот у меня подружка, она уже сколько живет, у нее чисто кацапский выговор. А она не понимает, что я говорю по-халхалки» (ПМА 2019, Н.С. Медуница).

Прозвище «кацапы» встречается в Сибири только в местах с компактным украинским населением; оно не известно ни в старожильской среде, ни среди прочих российских выходцев. Вопросу, живут ли сейчас в этих кулундинских краях кацапы, Н.С. Медуница даже удивилась. По ее мнению, эти люди тоже не совсем русские и только по приезду в Сибирь они «подравнялись под общий стандарт». «Они и сейчас живут, куда они денутся. Но они уже обрусели, хотя разговоры у них такие есть. Вот они приехали с Воронежа, со Смоленщины – у них разговор другой, у них немного другие традиции» (ПМА 2019, Н.С. Медуница).

Приведем еще один пример из районов компактного поселения выходцев с украинских земель, поселившихся на новых землях вместе с южнорусскими крестьянами, с которыми соседствовали и на прежней прародине – пограничье Курской и Харьковской (Сумский у.) губерний. Информативен рассказ сотрудницы народного музея д. Переясловка Топчихинского р-на Алтайского края, в котором создана небольшая экспозиция «Откуда есть пошла земля Переясловская». На стенде музея присутствуют карты с мест переселения, фотографии первопоселенцев, другие документы. Сотрудник Елена Алексеевна рассказывала, главным образом, про выходцев из Киевской губернии: «По документам у нас Переясловка, а печати – Переясловка. А по идее, по правилам, Переяславка, потому что Переясловский уезд был. На карте Украины – вот Переяслав. В основном, переселялись из двух сел Панфила (Киевская обл., Яготинский р-н) и Соснова (Киевская обл., Переяслав-Хмельницкого

р-на), еще и другие были. Посмотрите на фотографию: это Катренко Семён Васильевич и его первый саманный дом. Вот у нас за Переясловкой есть Катренков луг, он так и называется, что была земля Семёна Васильевича. Вот ещё Пешкин Герасим Онуфриевич на фото. Они четверо сюда переселились, то есть здесь была их земля, здесь заимки стояли. Они, четыре семьи, в 1914 году в зиму остались зимовать. Видимо, зимовали успешно, и уже в 1915 году еще девятнадцать семей сюда приехали, и датой образования села считается 1915 год» (ПМА 2018, Е.А. Климанова).

Располагая информацией, что, помимо украинцев, в эту местность шел поток курских переселенцев, я решила подкорректировать рассказ музейной сотрудницы и попросила уточнить этот момент. Елена Алексеевна отступила от своей, видимо, обычной речи экскурсовода, и стала уже просто вспоминать, как сюда приехали южнорусские из Курской губернии (курсские, «куряне»), среди которых оказались и ее родственники. «И вот у меня мама – она наполовину хохлушка, наполовину казачка. Бабушка казачка была, из Курска, под Курском они жили. Да, да, курские. Отец-то ее с Днепрпетровска, ну это с маминой стороны. Поэтому после войны в селе стали разговаривать более по-русски, хотя украинские песни можно еще услышать и сегодня». В итоге, по мнению краеведа, к настоящему времени смена идентичности налицо: «Да здесь все себя считают русскими. Ну, фамилии еще есть украинские» (ПМА 2018, Е.А. Климанова). Таким образом, если соседство украинских и южнорусских переселенцев на прежних местах проживания не вызывало изменения этнокультурной идентичности (различия подчеркивались даже в названиях деревень, ср. Русская Конопелька – Черкасская Конопелька, Русское Поречное – Черкасское Поречное), то в Сибири культурное взаимодействие этих групп населения было уже заметно в 1920–1930-е и особенно в послевоенные годы. На глазах местных жителей в алтайской Переясловке произошла трансформация украинских фамилий. Елена Алексеевна привела такие примеры: «Здесь, на стенде есть фамилии: вот Обель, потом Бескишкин, а сейчас у нас есть фамилии Бескишкин, Обелев. Была Рыжак, а сейчас Рыжаков фамилия» (ПМА 2018, Е.А. Климанова).

В смешанных селах украинско-сибирского типа случалось, что девушки-сибирячки выходили замуж за переселенцев – наемных работников в семье родителей. Потомок первого поколения украинцев, рожденных в Сибири, Екатерина Григорьевна Бабкодун (по мужу Андреева) вспоминает, что ее отец, столыпинский переселенец, приехал из Полтавской губ. и женился на матери-сибирячке в д. Комарье

Доволенского р-на Новосибирской обл. *«Отец с Украины, с Полтавины, там жили. Мама была русские... Звали хахлами, пишемся русскими. Хахлы – пошло с поколения. Оно ведь и раньше так разговаривали, по породе...»* (ПМА 2019, Е.Г. Бабкодун, 1929 г.р.). В своем сообщении она обращает внимание на особенности речи «по породе», т.е. с мягким «г», по причине чего родственников и звали «хахлами». В Западной Сибири сложилась специфическая ситуация, что характеристика, данная Другими, стала соответствовать внутреннему чувству (осознанию Себя, Self) [So'kefeld, 1999, p. 417].

Несмотря на то, что Е.Г. Бабкодун выходила замуж за русского, она до сих пор разговаривает на характерном «украинском говоре», на что ей не раз пеняло местное начальство. *«Работала на маслозаводе, начальница говорила: “Катя, ты хоть бы на работе разговаривала по-русски”. Я говорю, ну, як я буду говорить, яж не могу як вы...»*. Интересно, что муж на свадьбе рассказывал гостям о своих планах выучить жену говорить на русском языке, а в реальности получилось, что он сам стал «гугорить по-хахляцки». Однако их дети учились в школе, и сегодня все говорят по-русски, о чем не без гордости сообщила нам собеседница (ПМА 2019, Е.Г. Бабкодун).

Потомки украинских переселенцев из Казахстана начала XXI века

Основная масса потомков переселенцев из Казахстана и среднеазиатских республик покинули материнские территории Киевской, Полтавской и пр. губерний в период столыпинских реформ или после Отечественной войны 1941–1945 гг. Они приехали в Сибирь недавно, в 1990–2000-е гг. по причине разрушения Советского Союза и усиления националистических настроений местного населения [Шустов, 2018, с. 114; Каргин, Костина, 2011, с. 34]. В отличие от столыпинских переселенцев Сибири, эти, недавно ставшие сибиряками, люди, хорошо помнят «украинску мову» и могут свободно на ней говорить, и, в большинстве, носят свои специфические фамилии в неизменном виде. Однако по рассказам и нашим наблюдениям, общение в домашней обстановке происходит на русском языке, но, как утверждалось информантами, в любой момент они могут перейти и на украинский. Например, Раиса Васильевна Цыплёнок переехала в Казахстан из Донецкой обл. по причине сложного экономического положения после Отечественной войны, где, как и в Сибири, тоже совместно проживали и русские, и украинцы. *«Сюда переехали, потому что там очень трудно было, – вспоминала Раиса Васильевна. – Родилась я в Донецке, Пе-*

тровский район города Донецка. У нас знакомые уехали в Казахстан и мы тоже соблазнились, переехали. Мы жили 70 км от Павлодара, Щербактинский район. И когда начал разваливаться Союз, дочь говорит: “Переезжайте сюда (здесь: на Алтай. – Е.Ф.), чё вы там будете мучиться?” И вот переехали в 2001 году» (ПМА 2018, Р.В. Цыплёнок, 1940 г.р.).

Наши информанты очень гордятся тем, что даже после отмены графы «национальность» в паспорте они помнят о своем происхождении. *«По национальности мы украинцы. Малороссами нас не звали. Сейчас графу отменили, а раньше писалась украинкой. И дети у меня украинцы, вот у дочери муж – он тоже с Украины. У меня муж был украинец, но разговаривал чисто по-русски, а я по-украински. Вот он говорил: “Ты – перевертыш”. Как говорят: “Лез, лез по лестнице, а упал с дробыли” (смеется. – Е.Ф.)»* (ПМА 2018, Р.В. Цыплёнок).

Выводы

1. На момент переселения в Сибирь у украинских переселенцев периода реформ П.А. Столыпина (как и у многих других) превалировало региональное сознание, наряду с представлением о России как зауральской территории («из Расеи мы»). Внутренние и внешние идентификационные характеристики (этного и этногенного характера) свидетельствуют о ситуации, аналогичной описанной для южнорусских губерний Л.Н. Чижиковой [1988] и Т.А. Листовой [2016]. В наших более ранних работах этот момент также был отмечен особо: свободное причисление себя как к русским, так и к украинцам, наряду с одновременным сохранением самоопределения «хахлы» (*«мы не русские, но уже не украинцы, мы – русские хахлы»*, *«украинцы на Украине, а мы здесь – хахлы»*, *«украинцы живут на Украине, а хахлы – везде»* и пр.) [Фурсова, Васеха, 2004]. Описанная ситуация объясняет нестыковки в переписях населения Советского Союза 1959, 1970, 1979 и 1989 гг., обусловленных именно существованием ситуативной или плавающей идентичности украинских жителей, а не медлительными процессами ассимиляции или «русификации».

Зафиксированные в ходе интервьюирования селян сибирского региона данные разрушают миф о происхождении названия «хахлы» от особенностей прически в виде чуба (такой здесь никто не видел). В основу существования этого локального эндоэтнонима легли особенности произношения мягкого «г», подобно как носители других диалектов русской речи назывались «цуканями», «цвякунами», «щекунами», «талагаями», «ягу-

нами», «толдонами» и пр. Особо подчеркнем тот факт, что этот локальный эндоэтноним не считался и не считается обидным именно потому, что он стал самоназванием.

2. Укреплению украинской этнокультурной идентичности на территориях современного ближнего зарубежья (Казахстана) способствовало, с одной стороны, проживание здесь переселенцев компактными поселениями, с другой – инокультурное и иноконфессиональное местное окружение. По причине этого, казахстанские переселенцы прибыли в Сибирь с более выраженным самосознанием, более «украинистыми». Актуализация этнической идентичности той части населения, которая твердо относит себя к украинцам, способствует деятельности домов культуры и этнокультурных центров, пропагандирующих традиции украинской культуры в сельской местности. Участие в художественной самодеятельности, исполнение украинских песен, реконструкции праздников, ярмарок (напр. «Сорочинской» в д. Петропавловка Новосибирской обл.) может рассматриваться как важный фактор поддержания этнокультурной идентичности сибирских украинцев. Именно эта категория поздних переселенцев является сегодня активными участниками художественной самодеятельности.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-09-00028а.

Список литературы

Голубкова О.В. Невидимость как символ иномира в нарративах переселенцев из Полесья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 398–400.

Каргин А.С., Костина А.В. Этнокультура как фактор национальной идентичности // Традиционная культура. – 2011. – № 1. – С. 34–46.

Листова Т.А. Была ли смена идентичности? // Этнографические открытия. – 2016. – № 6. – С. 82–85.

Переселение в Сибирь. Прямое и обратное движение переселенцев семейных, одиноких, на заработки и ходоков. – СПб., 1906. – Вып. 18. – 81 с.

Фурсова Е.Ф. Проблемы типологии этнографических, конфессиональных, локальных групп славянских переселенцев Западной Сибири: мультидисциплинарный подход // Гуманитарные науки в Сибири. – 2015. – № 2. – С. 100–104.

Фурсова Е.Ф., Васеха Л.И. Очерки традиционной культуры украинских переселенцев Сибири XIX – первой трети XX в. (по материалам Новосибирской области). – Новосибирск: Агро-Сибирь, 2004. – Ч. 1. – 190 с.

Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье. История и судьбы традиционно-бытовой культуры (XIX–XX века). – М.: Наука, 1988. – 251 с.

Шустов А.В. Восточно-славянское население Средней Азии после распада СССР: этнодемографические процессы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – Т. 46, № 4. – С. 114–122. – DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.4.114-122.

So'kefeld M. Debating Self, Identity, and Culture in Anthropology with CA comment // Current Anthropology. – 1999. – Vol. 40, N 4. – P. 417–447.

References

Chizhikova L.N. Russko-ukrainskoe pogranič'e. Istoriya i sud'by tradicionno-bytovoj kul'tury (XIX–XX veka). Moscow: Nauka, 1988, 251 p. (in Russ.).

Fursova E.F. Problemy tipologii etnograficheskikh, konfessional'nyh, lokal'nyh grupp slavyanskikh pereselencev Zapadnoj Sibiri: mul'tidisciplinarnyj podhod. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2015, No. 2, pp. 100–104 (in Russ.).

Fursova E.F., Vasekha L.I. Oчерки tradicionnoj kul'tury ukrainskikh pereselencev Sibiri XIX – pervoj treti XX v. (po materialam Novosibirskoj oblasti). Novosibirsk: Agro-Sibir', 2004, pt. 1, 190 p. (in Russ.).

Golubkova O.V. Nevidimost' kak simvol inomira v narrativah pereselencev iz Poles'ya. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, vol. XXIV, pp. 398–400 (in Russ.).

Kargin A.S., Kostina A.V. Etnokul'tura kak faktor natsional'noj identichnosti. *Traditsionnaya kul'tura*, 2011, No. 1, pp. 34–46 (in Russ.).

Listova T.A. Byla li smena identichnosti? *Ethnographic Review*, 2016, No. 6, pp. 82–85 (in Russ.).

Pereselenie v Sibir'. Pryamoe i obratnoe dvizhenie pereselencev semejnyh, odinokih, na zarabotki i hodokov. St. Petersburg, 1906, iss. 18, 81 p. (in Russ.).

Shustov A.V. The Eastern Slavic population of Central Asia after the collapse of the USSR: Ethno-demographic processes. *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2018, vol. 46, No. 4, pp. 114–122 (in Russ.). DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.4.114-122.

So'kefeld M. Debating Self, Identity, and Culture in Anthropology with CA comment. *Current Anthropology*, 1999, vol. 40, No. 4, pp. 417–447.

Фурсова Е.Ф. <https://orcid.org/0000-0002-9459-7033>